

приобретении не только «древностей и редкостей». Закупаемые им произведения были или поздними, или, для того времени, совсем новыми по своему происхождению. Это можно утверждать, исходя из анализа восточной коллекции художественного музея. Она насчитывает около полутора тысяч единиц хранения и состоит преимущественно из вещей XIX — нач. XX столетия и относительно небольшого числа предметов более раннего периода.

В последнее время понятие «феномен Бурылина» в среде музейщиков, искусствоведов, историков, краеведов стало своего рода «общим местом». И тем не менее, по прошествии уже многих десятилетий, на сегодняшнем этапе изучения бурылинского наследия, его деятельность вызывает больше поводов для вопросов, нежели ответов. Кто он — «типичный герой в типичных обстоятельствах» или человек, воплотивший, пусть неосознанно, идеи русского космизма¹⁷ в духе философских исканий В.С. Соловьева и Н.А. Бердяева? Какой принцип создания экспозиции он положил в основу — прагматический подход к музею или подход к нему как к храму духовных ценностей? Что двигало им — только ли всепоглощающая страсть к собирательству или желание материализовать в коллекции многовековые религиозно-мифологические, культурные, идеологические, духовные системы ценностей различных национальных культур и цивилизаций, попытка создать своеобразную модель Вселенной, воплотив ее в универсальной, почти музейной структуре?

Представляется, что на данном этапе не следует делать однозначных и скоропалительных выводов для утверждения либо отрицания. Материалом, побуждающим к дальнейшим размышлениям, может стать серьезный анализ коллекции Д.Г. Бурылина, которая обладает мощным культурным потенциалом. Музейная стратегия должна быть основана на комплексном подходе к данной проблеме. Для этого необходимы:

- 1) атрибуция, систематизация восточного собрания, точное определение его численного состава;
- 2) использование новых информационных технологий для включения восточной коллекции в сферу разветвленной научно-исследовательской работы (Интернет, создание сайтов, CD, электронных каталогов);
- 3) расширение партнерских связей: сотрудничество со столичными востоковедами, провинциальными музейщиками (хранителями восточных коллекций), обмен опытом, информацией, методикой. Контакты между конкретными исследователями и музеями, архивами, вузами, библиотеками;
- 4) популяризация коллекции: создание широкого резонанса по освещению колоссального наследия Бурылина среди зрительской аудитории, в профессиональной исторической, художественной и музейной среде посредством экспозиционно-выставочной деятельности, активная работа со средствами массовой информации;
- 5) проведение семинаров, конференций.

¹⁷ Воловенская Л. Коллекция, представляющая мир // Иваново. 1995. № 1. С. 66.

Художник, педагог, собиратель. Основатель Кологривского музея Г.А. Ладыженский

Мы знаем имена многих художников-подвижников, годами работавших в русской провинции. Это А.Г. Венецианов, В.М. Васнецов, В.Д. Поленов, Н.А. Ярошенко, И.С. Куликов, Е.В. Честняков, М.Б. Греков, а в недавнее время — А.А. Пластов. Все они стремились нести культуру в народ, да и сами были частью своего народа.

С их именами нередко связаны школы изобразительного искусства, студии, а также коллекции, обладающие значительной художественно-исторической ценностью.

М.В. Нестеров положил основание музею в родной Уфе (ныне — Башкирский государственный художественный музей), а И.И. Бродский — в Бердянске. Существуют мемориальные музеи Н.А. Ярошенко в Кисловодске, Н.К. Рериха в Изваре, А.М. Герасимова в Мичуринске, П.Н. Крылова в Туле, К.П. Белова в Омске, Е.М. Чепцова в селе Медвянка под Курском, С.Д. Эрьзи и Ф.В. Сычкова в мордовских селах Баево и Кочелаево, М.С. Спиридонова в Чебоксарах.

Долгие годы вынашивал идею создания музея на базе своей коллекции и передачи его своему родному городу Кологриву художник и педагог Геннадий Александрович Ладыженский.

К предреволюционному времени художественно-историческая коллекция Г.А. Ладыженского стала очень основательным собранием, включавшим наряду с произведениями живописи и графики также множество инкунабул — древнейших старопечатных книг. Среди них был и такой раритет, как «Постная Триодь» (1556) — книга, увидевшая свет раньше прославленного «Апостола» Ивана Федорова.

В число экспонатов входили также старинное оружие, ценные изделия из фарфора, восточные ковры, привезенные из заграничных поездок, предметы мебели и декоративно-прикладного искусства, всевозможная утварь и различные национальные костюмы.

Возникшие с началом первой мировой войны экономические трудности, различные хозяйственные неурядицы помешали осуществлению давней мечты художника — созданию музея. Однако всю свою богатейшую, подобранную с большим вкусом коллекцию собиратель успел завещать родному городу.

На основе его коллекции был создан Кологривский историко-краеведческий музей, который официально открылся в 1918 г. Впоследствии музей

разместился в кирпичном доме состоятельного купца Макарова — мужа племянницы Ладыженского Екатерины, где находится и в настоящее время.

В 2003 г., когда торжественно отмечалось 150-летие художника, музею было присвоено его славное имя. С городского кладбища к зданию музея был перенесен и прах Г.А. Ладыженского. Ныне это замечательный мемориал, хранящий память о большом человеке, художнике-просветителе.

Геннадий Александрович Ладыженский родился 23 января 1853 г. в городе Кологриве Костромской губернии в семье, принадлежащей к старинному дворянскому роду, известному с XVI—XVII вв.

Навсегда остался в памяти художника родительский дом, в котором он провел детские годы. Много лет спустя, оказавшись вдали от родных краев, «он все мечтал, — по словам современника, — о родине, о том, что он занесет туда луч света, об отдыхе, об “окне” в его доме. Об этом окне он не раз говорил, писал. Из этого окна, выходящего на площадь, он с детских лет много перевидал: и слезы, и страдания, и радость».

Первоначальное образование Ладыженский получил в Кологривском уездном училище (1863–1867). Учился он хорошо, причем особый интерес проявлял к черчению и рисованию. В развитии этого пристрастия сыграл свою роль старый учитель чистописания и рисования Иван Борисович Перфильев. С необыкновенной теплотой вспоминает его Г.А. Ладыженский в своих заметках, хранящихся ныне в РГАЛИ.

В 1869 г., вопреки воле отца, который не на шутку разгневался и оставил сына безо всякой поддержки, 16-летний юноша отправился в Санкт-Петербург поступать в Императорскую Академию художеств. Сначала он был зачислен вольноприходящим учеником архитектурного факультета, а в 1873 г. перешел в пейзажный класс профессора М.К. Клодта — одного из членов-учредителей Товарищества передвижных художественных выставок, племянника знаменитого скульптора П.К. Клодта.

Большое влияние на формирование будущего художника оказали опекавший его И.И. Шишкин и А.П. Боголюбов. Способности талантливого студента высоко оценивал знаменитый педагог П.П. Чистяков, учитель многих прославленных русских художников. Много дало общение с видным писателем, глубоко интересовавшимся искусством и увлеченно занимавшимся, как известно, и рисованием, Д.В. Григоровичем.

Материально Геннадию приходилось трудно, порой он влачил поистине полуголодное существование — об этом известно со слов его однокашников А.Г. Сластона и П.Д. Мартыновича. С ними вместе он жил в казенных помещениях Литейной мастерской во дворе Академии художеств. Скучный быт художника разделяла его любимая собачка Дианка, которая холодными зимними ночами согревала его.

Занятия, несмотря ни на что, шли хорошо. Заметным успехом была победа, одержанная Ладыженским в 1872 г., когда он представил на конкурс виды старинных русских усадеб, крепостных сооружений и церквей Севера. Они

были выполнены в поездке по землям Костромской, Нижегородской и Вологодской губерний, предпринятой по поручению профессора русской истории В.А. Прохорова. Кроме того, молодой художник побывал и на Волге, в Астрахани.

Опыт создания живописных изображений памятников старины во многом укрепил студента в его решении всецело посвятить себя живописному искусству. Еще в 1874 г. за пейзаж «На Черной речке» Ладыженский был удостоен малой серебряной медали. Картина экспонировалась на академической выставке, откуда была приобретена одним из коллекционеров.

В годы обучения Ладыженский создал также ряд жанровых картин. Среди них были «Ливень (Базар на приволжской пристани)» (эта работа воспроизведена в № 322 журнала «Всемирная иллюстрация» за 1875 г.), «В Петербурге», «Куры». Последние две работы приобрел для своего собрания П.М. Третьяков. Именитый коллекционер обратил на них внимание на выставках, проходивших в Академии и в Обществе поощрения художеств. Это является ярким свидетельством успехов и растущей известности молодого живописца. Другую картину Ладыженского, «Рыболовы», подарил П.М. Третьякову приобретший ее меценат, создатель крупного художественного кружка, а затем и Русской частной оперы С.И. Мамонтов (ныне произведение находится в Азербайджане, в Музее искусств им. Р. Мустафаева в Баку).

Формирование живописца проходило под непосредственным влиянием художников-передвижников, в частности, И.Н. Крамского, который выступал тогда главой демократического направления в искусстве и группировал вокруг себя его прогрессивные молодые силы. Ладыженский часто бывал у него дома, на вечерах, где собирались многие интересные люди. Здесь велись нескончаемые споры о жизни и об искусстве, но все-таки, по собственным его словам, художники больше работали, чем говорили.

К тому времени относится выполненный И.Н. Крамским портрет талантливого молодого художника, который Ладыженский берег всю свою жизнь как настоящую драгоценность. В нем хорошо переданы целеустремленность и сосредоточенность, внутреннее горение этого незаурядного человека.

В последний год пребывания в Академии по заказу генерала А.П. Струкова им были созданы две картины на тему шедшей тогда на Балканах русско-турецкой войны, где воспроизведены боевые эпизоды 1877 и 1878 гг. (Позже были созданы и портреты членов семьи Струкова, хранившиеся в его доме в Екатеринославе.)

После успешного окончания Академии художеств в 1878 г. Ладыженский получил за картину «Вечер» большую серебряную медаль, а в 1879 г. и звание классного художника за работу «Пикник».

В это время тяжело заболел отец Ладыженского, и он отправился на родину, где прожил несколько лет. Это был период напряженной работы. Именно тогда получают у художника распространение мотивы оживленных базаров и ярмарок, переездов и речных переправ: «Ярмарка», «Лодки с товарами на

реке Унже», «Баржи» и другие. Внимание к состоянию природы не уступает в них интересу к человеческим образам и ярким типажам. В селе Березник, неподалеку от Кологрива, среди местных жителей до сих пор жива память о селянине-богатыре Савве, который послужил прототипом для монументального полотна «Пахарь». Люди труда всегда привлекали художника, запечатлевшего их в столь основательных, глубоко продуманных, надолго запоминающихся картинах, как «Пахарь» (1885), «Отара в степи» (1885), «Выгрузка гранита в Одесском порту» (1898) (все — Кологривский краеведческий музей) и многих других работах.

Уже в молодые годы Ладыженский испытывал потребность реализовать свои возможности в области педагогики. Эта сфера неудержимо манила его, что свидетельствует о настоящем призвании — недаром с годами он стал подлинным профессионалом в данной области. В декабре 1881 г. от друзей ему последовало предложение занять должность преподавателя рисования в реальном училище в Одессе, и, уже начиная с января 1882 г., он приступил к занятиям. Вел он такие предметы, как перспектива, черчение, начертательная геометрия, а главное — рисунок. Со временем прибавились также занятия в 5-й мужской гимназии.

Более тридцати лет провел Геннадий Александрович в Одессе, где с 1884 по 1898 г. он был педагогом в Одесской рисовальной школе, преобразованной затем в Одесское художественное училище под эгидой Петербургской Академии художеств (директором его был назначен художник А.А. Попов). Таким образом, он стоял у истоков этого замечательного учреждения, вызванного к жизни благодаря неутомимой деятельности архитектора-энтузиаста Ф. Моранди. Училище стало заметным центром искусства не только Юга России, но и всей страны. То было, несомненно, одно из лучших средних художественных учебных заведений России.

Г.А. Ладыженский, который вел все предметы по искусству, и К.К. Костанди, пришедший несколько позже, в 1885 г., были здесь лучшими преподавателями. Их успешной деятельности на этом поприще и большому авторитету несомненно способствовало то, что они непрестанно занимались творческой работой. Много сделал Ладыженский и для организации городского музея изящных искусств. Дружеские отношения связывали его с художником-маринистом Р.Г. Судковским. Портрет этого талантливого живописца кисти Ладыженского хранился до начала Великой Отечественной войны в музее города Николаева (1885, местонахождение неизвестно).

Со 2-й пол. 1880-х гг. в своем творчестве Ладыженский все больше внимания уделял акварели и достиг в этой сложнейшей, не терпящей поправок технике исключительного мастерства. Недаром в художественных кругах он получил прозвище «короля акварели». Его работы отличает удивительная прозрачность и чистота цвета, безошибочная точность рисунка, меткость мазка, четкость формы. Им присуще и несомненное композиционное мастерство, неповторимость собственного взгляда на натуру.

В 1880-х гг. живописец экспонировал свои акварели на выставках в Академии художеств («Зима», «Вид Одессы с Карантинной бухты», «Вечер», «Полдень»), а также в Петербургском обществе акварелистов. В 1886 г. состоялась персональная выставка художника в Одессе, на Приморском бульваре. На ней было показано 112 работ — жанровые картины, портреты, пейзажи и многочисленные этюды. В отзыве на эту экспозицию рецензент газеты «Одесский листок», писавший под инициалами А.Б., отмечал, что картины и акварели Ладыженского лишены внешней эффектности, поверхностного блеска, но отличаются благородной простотой и большой жизненной правдой.

О серьезном, вдумчивом отношении к искусству говорят строки из дневника Геннадия Александровича, в котором он рассуждает о том, что сама по себе техника еще не делает художника. Подобно тому, как поэт, обладающий даром версификации и техникой стихосложения, не всегда поднимается до высот подлинной поэзии, так и мастеровитые живописцы зачастую остаются на уровне невысокого художества.

Много лет спустя известный в свое время художник и писатель П.А. Нилус (брат С.А. Нилуса, известного публикатора «Протоколов сионских мудрецов»), основываясь на личных впечатлениях, говорил: «Если попытаться представить себе лучшее, что сделал Ладыженский, то, по-моему, это лучшее совпадает с первым десятком лет его житья в Одессе. Полный сил, молодых страстей, чуждаясь людей, бродил он по окрестностям, в порту и жадно писал, рисовал, наблюдал несравненную легкость красок, серебристость солнца новороссийского юга, еще не понятых и не оцененных в полной мере никем.

Горячий темперамент Ладыженского, беспредельная любовь к жизни заставляли его пробовать себя и как жанриста, и как портретиста, он писал и наготу, и животных, и многое другое. Попав в Константинополь, он создал ряд этюдов, блещущих сверкающими красками.

Лет тридцать назад Ладыженский устроил свою первую выставку в Одессе... На «южнорусской выставке» он выставлялся всего 4–5 раз, да от времени до времени в магазинах Руссо и Гейнцельмана, и очень редко посылал свои картины в Петербург. Болезненно самолюбивый, он, вероятно, не выносил рецензий, — это, кажется, было причиной того, что, очень много работая, он так мало выставлял».

В 1890 г. в Одессе открылась первая выставка Товарищества южнорусских художников. Среди участников ее и основателей самого общества наряду с К.К. Костанди, Н.Д. Кузнецовым, А.П. Размарицыным, Н.Л. Скадовским, скульптором Б.В. Эдуардсом был и Г.А. Ладыженский. Его активное участие в деятельности Товарищества подробно отражено в вышедшей в 1961 г. в Киеве объемистой монографии В.А. Афанасьева.

Живописец воспринимался и художественной общественностью, и своими учениками, и зрителями как земляк, и не случайно можно встретить

в литературе упоминания о нем как об украинском художнике. Действительно, как справедливо указывают в каталоге персональной выставки работ Г.А. Ладыженского авторы вступительной статьи Л.Н. Калмановская и В.В. Криштопенко: «солнечная природа Украины, бескрайние херсонские степи, живописные окраины Одессы, берега Черного моря находят в лице художника своего тонкого истолкователя, человека, который прекрасно чувствовал и мастерски передавал мягкость снежной южной зимы, красоту яркого солнечного дня, ослепительную голубизну и блеск моря».

В начале 1890-х гг. Ладыженский совершил путешествия по Кавказу и Крыму, а также побывал в Турции, в Константинополе. Эти поездки оказались для него плодотворными. Исполненные в 1892–1893 гг. большие акварели «Терек», «Дарьяльское ущелье», «Босфор» напоены воздухом, пронизаны светом, все в них искрится, переливается и играет в лучах яркого южного солнца. Тогда же появился и ряд портретных и жанровых работ, посвященных жизни восточных народов — арабов, курдов.

Крупный живописец, график, педагог и общественный деятель И.И. Бродский вспоминал впоследствии: «В натурном классе у нас преподавал профессор Ладыженский, замечательный художник, очень интересный человек, но удивительный оригинал. Он делал тончайшие акварельные вещи, но никогда их не выставлял. Молчаливый и замкнутый, он нигде не бывал и ничего не принимал. Будучи богатым, жил на чердаке» (в неотапливаемой мансарде).

И.И. Бродский, который прошел у Ладыженского все ступени обучения искусству, — начиная со второго класса, «где мы рисовали геометрические тела и орнамент», до четвертого натюрмортного класса, которым руководил «этот замечательный педагог», — свидетельствует, что тот всегда давал уроки с видимым удовольствием. При этом он умел внушить своим подопечным «любовь к делу, вдумчивое и серьезное отношение к работе, дал понять, что не нужно торопиться, а осваивать все медленно, постепенно, глубоко всматриваясь в натуру. Его обучение было наглядным и убедительным. Он показывал, как нужно работать, и проделывал это молча, потому что вообще не любил много говорить».

«В показе Ладыженского, несмотря на его спокойствие и отсутствие всякой позировки, не было никакого равнодушия. Он с увлечением работал над этюдом с единственным желанием научить своего ученика правдиво изображать натуру, все ее тончайшие детали и оттенки. Работая, он неоднократно вставал со своего места, отходил от холста, вглядывался пристально в натуру и, находя в ней что-то незамеченное, сразу же несколькими мазками передавал эту подробность в этюде.

Все это проделывалось им с необычайной живостью, большим интересом к делу, и эта влюбленность в работу, которая ни на секунду не могла показаться скучной, хотя и была очень кропотливой, передавалась нам всем. В этой огромной заинтересованности в искусстве, в искреннем, идущем от

всего сердца желании передать свой художественный опыт была большая воспитательная сила, которую мы все чувствовали. Поглощенный работой, Ладыженский не забывал, что рядом стоит ученик, и я помню, как часто с живым огоньком он следил за тем, как я воспринимаю то, что он показывает».

И далее Бродский делает очень важный вывод: «Ладыженский дал мне все, что требовалось для будущего художника. Я учился в Академии художеств у многих профессоров, не исключая и Репина, но считаю, что те два часа, которые провел у моего холста Ладыженский, дали мне не меньше, чем все годы обучения в Академии, и я еще до сих пор продолжаю пользоваться его указаниями. Я считаю, что только так и надо учить живописи, как это делал Ладыженский, и я часто рассказываю о нем своим ученикам в Академии художеств».

Таким образом, если и не прямо, то косвенно Ладыженский оказал значительное влияние и на последующие поколения молодежи. «Я на всю жизнь запомнил свой первый урок по живописи. И всегда с благодарностью вспоминаю своего учителя Г.А. Ладыженского. До натюрмортного класса я никогда не занимался живописью. Я пришел в класс, сделал рисунок, но не знал, как держать кисть, как писать красками, не знал, как выдавливать на палитру краски и как их составлять. Я отчетливо помню, как подошел Ладыженский, молча взял мою палитру и кисти и стал смешивать краски, составляя тона. Он просидел за моим мольбертом полчаса и написал небольшой кусок натюрморта. Эти два часа я считаю самыми важными в моей жизни: Ладыженский за эти два часа открыл мне глаза на понимание природы и научил меня работать».

По-видимому, с этим мнением И.И. Бродского могли бы согласиться многие ученики Ладыженского, среди которых были Б.И. Анисфельд, Д.Д. Бурлюк, П.Г. Волокидин, М.Б. Греков, С.Ф. Колесников, С.А. Сорин, Н.И. Фешин, Д.А. Цензор, П.А. Шиллинговский и другие. Их учитель всегда терпимо относился ко всему новому, за что и пользовался общими симпатиями. Правда, как вспоминает Д.Д. Бурлюк, когда после летних каникул 1902 г. он привез в Одессу огромное количество — около 350 — этюдов, ни К.К. Костанди, ни Ладыженский «не только не похвалили» его, «но даже сделали выговор, что это “не искусство, а какое-то фабричное производство”».

Весной 1899 г. Ладыженский устроил в одной из гимназий однодневную выставку-продажу своих работ, причем вырученные средства предназначались им для поддержки нуждающихся учеников. Выставка, продленная по настоятельным просьбам еще на один день, получила широкий резонанс, нашла отражение в местной прессе.

Воспитанник Г.А. Ладыженского, известный украинский акварелист А.А. Шовкуненко писал: «Геннадий Александрович сочетал в себе талант замечательного, тонкого художника, превосходного живописца с редким даром внимательного, заботливого и умного педагога. Педагогической деятельности он отдавал столько сил и энергии, что она в какой-то мере

заслонила его творческую деятельность. Не поэтому ли его знают больше как педагога, чем как живописца. А ведь достаточно вспомнить его южные пейзажи, и в частности «Хаджибей», или его дивные акварели, чтобы убедиться, каким ярким дарованием и мастерством обладал этот удивительно скромный человек».

Упомянутая здесь картина «Хаджибей» (1899, Одесская картинная галерея) — действительно одна из лучших работ художника. Это произведение появилось в связи с празднованием 100-летия основания Одессы и изображает небольшое поселение, на месте которого впоследствии возник этот красивейший город на Черноморском побережье России.

«Одной из самых оригинальных живописных фигур» называл Ладыженского другой его ученик, П.А. Нилус. «Почему-то Ладыженского всегда считали акварелистом по преимуществу — это неверно. Он писал масляными красками с такой же уверенностью, как и акварелью, и даже больше, его акварели по стилю напоминали масляную живопись. [...]

У Ладыженского, как у всякого хорошего учителя, была незаменимая черта — он очень любил беседовать с учениками, — это настоящая наука и есть. И потом в этих разговорах была та заманчивость, та «туманная даль», которая только и питает будущего художника, заставляет его думать, добиваться правды по-своему... Ладыженский был на каждом шагу, во всем оригинален — и как художник, и как человек, и как учитель. Можно было во многом не соглашаться с ним, но нельзя было не удивляться, не уважать необычайной цельности его ума, характера».

Узнав о кончине мастера, П.А. Нилус опубликовал в газете «Одесский листок» некролог, где ярко обрисовал личность своего учителя, в котором отмечал, «как в чисто русском человеке», «смесь самых противоречивых особенностей, достоинств и недостатков». По его словам, «влюбленный в жизнь, в ее блеск, праздник, преклонявшийся перед порывом, мощью человеческой души», он вел спартанский образ жизни, отказывая себе в самом необходимом. «И в то же время этот человек, носивший старую, потертую одежду [...] не останавливался перед сотнями рублей, отдавая их за художественную старину. Он страстно собирал вещи для будущего музея, который мечтал основать на родине, в глуши Костромской губернии.

Несмотря на то, что его день проходил в тяжелом труде учителя, он вставал на заре и работал, работал без устали, всего себя отдавая искусству, которому действительно отдал жизнь и которое, в свою очередь, грело его последние унылые дни. Вот что он пишет в одном из писем с родины, уже слабый, больной: «Милое, дорогое искусство, величайший дар, каким природа наградила душу людей. Как тяжело было бы мне здесь, если бы я не имел малюсенького кусочка этого дара — это мое единственное в жизни счастье, мой мир, я ношу его с собою, где бы и при каких обстоятельствах ни был».

Друзей у него было мало, хотя его очень многие почитали как художника и любили как человека. [...] Чувствуя горячую ненависть ко всему скаредно-

му, буржуазному, ненавидя и презирая несовершенства жизни, он жил, уходя от ее шаблона, от людей. То, что он не хотел жить так, как другие, не прощали ему, как не могли простить его болезненной чувствительности».

В 1910 г., в знак признания его больших заслуг, Ладыженский был удостоен Императорской Академией художеств звания академика живописи. Через несколько лет, в 1914 г., выйдя в отставку, он навсегда вернулся на родину. По прибытии в Кологрив художник тяжело заболел. В каждом письме к знакомым он вспоминал Одессу, своих товарищей по службе, художников, слал поклоны, тосковал по югу. «Очень скучно без Одессы, — писал он, — я и вообразить себе не мог...» В этих письмах, по словам П.А. Нилуса, «чувствуется между беспокойных строк о житейском душа человеческая, живая, страдающая и уже чующая конец».

21 ноября 1916 г. в рубрике «художественная жизнь» газеты «Одесский листок» появилась заметка С. Золотова, в которой сообщалось, что одновременно с открытием выставки иностранных художников — Ф. Таулова, Ф. Штука, Аман-Жана, Мориса и других — «Обществом независимых художников» будет устроена посмертная выставка картин Г.А. Ладыженского. Однако 19 декабря того же года С. Золотов сообщил о том, что «объявленная выставка откладывается до весны». Возможно, она так и не состоялась: надвигались события февральской, а затем и Октябрьской революции 1917 года...

Связи с родиной, с Кологривом Ладыженский не прерывал никогда. Каждым летом, месяца на четыре, Геннадий Александрович приезжал сюда — здесь был его дом, его семья. Собственно говоря, это была семья его младшего брата, которого он воспитал как сына, а затем вырастил и троих его сыновей, дал им образование.

В результате многолетних наблюдений за жителями родного города появилась целая серия выразительных портретов «Кологривские типы». Живописец неизменно стремился к созданию правдивой, меткой характеристики изображаемых и не льстил модели даже в заказных портретах. Об этом свидетельствует, например, конфликт, происшедший в процессе написания портрета купца Д.М. Звонова (1900), оставшегося явно недовольным трактовкой своего облика.

Художник всегда сохранял независимость и самостоятельность в своих взглядах, суждениях и поступках, и при кажущейся замкнутости неизменно живо интересовался реальной действительностью, современными событиями. Так, во время первой русской революции он с натуры выполнил несколько интересных зарисовок, в которых показаны уличный бой («Одесса. 1905 год»), оказание медсестрами помощи раненым и другие эпизоды борьбы. Когда началась империалистическая война, он приступил к работе над картиной «Мобилизация», далекой по своему настроению и сочувствию к судьбам рекрутов от официальной лжепатриотической фальши и шовинистического угара, заметно повлиявших на многих деятелей отечественной культуры того времени.

Имя Г.А. Ладыженского давно пользуется заслуженным уважением и признанием среди специалистов, историков искусства и музейных работников. Работы его хранятся в крупнейших музеях Москвы и Петербурга — в Третьяковской галерее и Русском музее, в музеях Костромы, Одессы, Днепропетровска и Киева, в Баку и в других государственных и частных собраниях в России и на Украине, а также за рубежом (например, в Польше, в Варшаве). Значительное собрание никогда не публиковавшихся акварелей (пейзажей, натюрмортов, портретов) принадлежало внучатой племяннице художника, известному математику, действительному члену Российской Академии наук О.А. Ладыженской, скоропостижно скончавшейся в 2004 г. Незадолго до кончины она передала в дар Государственному Русскому музею три первоклассных работы своего двоюродного деда — два кавказских пейзажа и «Вид Одессы из порта». Благодаря ее стремлению увековечить память о своем двоюродном деде и появилась эта статья о художнике.

Литература

- Г.А. Ладыженский // РГАЛИ. Ф. 785, оп. 1, д. 4.
А.Б. Выставка картин Г.А. Ладыженского // Одесский листок. 1886. 11 вересня.
Нилус П.А. Пять лет деятельности Товарищества южно-русских художников в Одессе // Иллюстрированный каталог 5-й выставки Товарищества. Одесса, 1894.
Антонович И. Наши художники-южане: Г.А. Ладыженский // Одесский листок. 1898. 7 окт.
Павловский А. Выставка картин Г.А. Ладыженского // Одесский листок. 1899. 22 квітня.
Нилус П.А. Впечатления: Художник Г.А. Ладыженский // Одесский листок. 1916. 18 сент.
Штатнов П. Наследство Г.А. Ладыженского // Горьковская коммуна. 1937. 15 сент.
Шовкуненко А.А. Выдающийся украинский художник: К 40-летию со дня смерти Г.А. Ладыженского // Советская культура. 1956. 16 сент.
Афанасьев В. Майстри пензля: Нариси про одеських художників К.К. Костанди, П.О. Нилуса, Б.В. Едуардса, Г.О. Ладыженського, М.Д. Кузнецова. Одеса, 1960.
Афанасьев В. Товарищество Южнорусских художников. Киев, 1961 (на укр. яз.).
Афанасьев В. Петро Олександрович Нилус. Київ: Образотворче мистецтво, 1963.
Каталог выставки произведений художника Г.А. Ладыженского из собраний Кологривского историко-краеведческого музея и Одесской государственной картинной галереи / Сост. Л.Н. Калмановская и В.В. Криштопенко. Одесса, 1964. 24 с.
Бродский И.И. Мой творческий путь. Л., 1965. С. 25, 26.
Афанасьев В. Геннадий Александрович Ладыженский. Киев, 1966. (на укр. яз.).
Афанасьев В.А. Г.А. Ладыженский // Русское искусство: Очерки о жизни и творчестве русских художников II пол. XIX в. Под ред. А.И. Леонова. Т. 2. М., 1971. С. 329–338.
Г.О. Ладыженський // Словник художників України. Под ред. М.П. Бажана. Київ, 1973. С. 271.
Пастернак Л.О. Записи разных лет. М.: Советский художник, 1975. С. 22.
Левандовский С.Н. М.Б. Греков. Л., 1982. С. 12–13.
Бурлюк Давид. Фрагменты из воспоминаний футуриста: Письма. Статьи. Стихотворения / Публ., предисл. и примеч. Н.А. Зубкова. СПб., 1994. С. 113.
Государственный Русский музей: Отчет за 2001 год / СПб., 2002. С. 64, 237, ил. 253, 254.
Общество независимых художников в Одессе: Библиографический указатель / Сост. О.М. Барковская. Одесса, 2004. С. 25.

АСТРАХАНЬ

Астраханская государственная картинная галерея
им. Б.М. Кустодиева

Т.Я. Слободских

«Догадинка»: Астраханская коллекция П.М. Догадина

Сколько было в России коллекционеров и меценатов? Что мы знаем о них? Многих ли можем назвать по именам? А ведь теми богатствами, которыми владеют наши музеи, мы во многом обязаны им — энтузиастам и собирателям.

В России сложилось особое сословие — «купеческая аристократия», из среды которой вышли знатоки древних рукописей, книг, предметов старины и изобразительного искусства. В Астрахани таким собирателем русской живописи был Павел Михайлович Догадин.

В небольшой особняк на Набережной реки Кутум поступали из художественных салонов и магазинов, с выставок, от известных коллекционеров и художников этюды И.И. Левитана, пейзажи Н.П. Крымова, С.Ю. Жуковского, И.И. Шишкина, А.И. Куинджи, В.А. Серова, Н.Н. Дубовского, картины М.В. Нестерова, Б.М. Кустодиева, К.Ф. Юона, натюрморты Н.Н. Сапунова, К.А. Корovina, И.Э. Грабаря, рисунки И.Е. Репина, В.М. Васнецова, М.А. Врубеля, Ф.А. Васильева, акварели братьев Александра и Альберта Бенуа...

В метрической книге Николо-Гостинной церкви города Астрахани за 1876 г. сделана запись под № 82: «9 октября родился Павел, крещен 18 октября. Родители — Астраханский купеческий сын Михаил Павлович Догадин и законная жена Олимпиада Васильевна, оба православные. Восприемники — купеческий сын Константин Павлович Догадин и вдова купеческая жена Параскева Трофимова»¹.

Ни родители, ни родные и не подозревали, что новорожденный оставит о себе вечную память в родном городе, что именно он подарит Астрахани собрание картин, автографов, библиотеку и свой дом для открытия художественного музея.

Братья Догадины, Константин и Михаил, были в городе известными людьми. Отец будущего коллекционера Михаил Павлович (1844–1907) занимался коммерцией, был купцом 2-й гильдии и исполнял огромное количество общественных обязанностей: член Городской Гласной думы, присяжный заседатель, член совета при Городской Ремесленной школе императора Александра II, член Первого Астраханского Раскладочного по промысловому

¹ Архив Николо-Гостинной церкви // ГААО. Ф. 630, оп. 1а, в. 5, д. 14, метрическая книга за 1876 г., с. 175–176, запись № 82.

Министерство культуры и массовых коммуникаций
Российской Федерации
Федеральное Агентство по культуре и кинематографии
Государственный Русский музей

Художественные музеи России

Министерство культуры и массовых коммуникаций
Российской Федерации
Федеральное Агентство по культуре и кинематографии
Государственный Русский музей

*Собиратели, хранители,
реставраторы*

Сборник статей

3-й выпуск

Санкт-Петербург
Информационно-издательское агентство «ЛИК»
2005